

БОЛЬШАЯ ПОЛИТИКА И МИРОВАЯ ТОРГОВЛЯ (ГОЛЛАНДСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1799 г.)

Рубеж XVIII и XIX вв., ознаменованный Великой Французской революцией и Наполеоновскими войнами, не мог не принести с собой существенных перемен во внешней и внутренней политике России.

Вследствие почти непрерывных войн, которые вела Россия, на протяжении всего последнего десятилетия XVIII в. казна пустела, курс валют неуклонно снижался, и правительство искало способы удержать его от дальнейшего падения и колебания¹. Это послужило одной из причин изменения курса внешнейторговой политики Екатерины II от принципов свободной торговли к протекционизму.

Главным рычагом воздействия на курс бумажных денег было регулирование ввоза и вывоза товаров. Серьезные запретительные меры были установлены манифестом 1793 г., в котором провозглашался разрыв в отношениях России с революционной Францией, был ограничен ввоз некоторых товаров, прежде всего предметов роскоши, вин, книг и др. В результате этой меры актив торгового баланса России сразу поднялся с 377 тыс. руб. в 1792 г. до 1844 тыс. в 1793 г.² Несмотря на то, что запрет на ввоз предметов роскоши бил по интересам дворянства, как главного их потребителя, эта мера, насколько можно судить, не вызвала существенного недовольства в дворянской среде.

Параллельно в середине 1790-х гг. под влиянием желания пополнить казну и, в определенной степени, протекционистских взглядов Екатерины II, началась разработка нового таможенного тарифа. По первоначальному проекту 1796 г. запрещения были увеличены еще более, существенно возросли таможенные пошлины. Однако данная редакция тарифа так и не вступила в силу в связи с кончиной Екатерины II.

Павел I начал разработку собственного тарифного документа. Павловский тариф 1797 г. вернулся к размерам пошлин 1782 г., т. е. они были снижены по сравнению с первой половиной 1790-х гг. Запрещения 1793 г. на торговлю с Францией были сохранены и были продиктованы скорее политическими, нежели экономическими соображениями. Усиление запретительной политики Павла против революционной Франции продолжалось до 1800 г.

Внешнеторговая политика Павла являлась примером последовательного применения и развития запретительной системы и исходила из интересов торговли и индустрии России³. Были предприняты меры к улучшению положения российского купечества. О внимании императора к купечеству говорит тот факт, что ряд купцов получил звание коммерции советника.

В конце 1799 г. обостряются отношения России с Англией. В 1800 г. было объявлено эмбарго на английские суда, обе страны озвучили взаимные экономические претензии. В декабре 1800 г. Россия объявила о принципах свободной торговли, к ней присоединились Дания, Швеция, Пруссия, — это получило название второго вооруженного нейтралитета⁴. Этот поворот политики Павла I вызвал резкое неприятие дворянства, поскольку серьезно ущемлял интересы тех его слоев, которые были связаны с экспортной торговлей и, вероятно, стал одной из главных причин дворцового переворота.

После смерти Павла I Россия пересматривает принципы нейтралитета и начинает переговоры с Англией о мире и экономическом взаимодействии, в феврале 1801 г. были восстановлены торговые отношения с Францией.

Следует особо остановиться на тесных русско-английских торговых связях. Англия была самым крупным торговым партнером России в XVIII — первой половине XIX в. Из России экспортировался хлеб, а главное, пенька, лен, сало, смола и железо, определенное место занимала и древесина, а именно мачтовые сосны⁵. Это сырье требовалось для обеспечения судостроительной промышленности — производства канатов, парусины, изготовления различных пропиток для корабельных корпусов, стоячего такелажа и водонепроницаемых покрышек («брэзентов», как называли их в то время), изготовления железных деталей и мачт. Насколько можно судить, дерево для судовых корпусов англичане из России практически не вывозили, приобретая его в других местах. «Британский флот (и прежде всего военный) был создан по преимуществу из материалов, вывезенных из России»⁶.

При Екатерине II был разрешен свободный вывоз хлеба, который существенно увеличился на рубеже XVIII–XIX вв. в связи с войнами и неурожаями в Европе. В 1791–1801 гг. средний отпуск пшеницы в Англию за год вырос в 3,7 раза по сравнению с 1774–1791 гг.⁷ Общий вывоз льна из России увеличился с 1763 по 1804 г. в 1,5 раза, а пеньки и пакли — в 1,6 раза⁸. Из Британии экспортировались промышленные товары, каменный уголь, пряжа. В такой торговле в наибольшей степени было заинтересовано дворянство, которое богатело за счет продажи сырья и имело возможность приобретать предметы роскоши. В первой половине XIX в. в отдельные годы доля Англии во внешнеторговом обороте России достигала 50 %⁹.

Такое положение ставило Великобританию в зависимость от России, но в то же время создавало в России значительный слой влиятельных и богатых людей, связанных с прибыльной торговлей корабельными материалами, пошлины от нее значительно пополняли казну. Эта торговля крепко связывала Великобританию и Россию, которые не могли надолго прерывать торговые отношения. Сложилась ситуация, когда экономическое благополучие обеих стран зависело друг от друга. Британии были необходимы рынки сбыта готовой продукции, а также сырье для нее, огромный британский экспорт российских товаров обеспечивал доходы русским купцам и дворянству.

Кроме того, большая часть русской внешней торговли производилась на британских судах — согласно статистическим данным за 1802–1804 гг., английские суда перевезли 42 % всех торговых грузов, прибывших или выбывших из российских портов¹⁰. Английские купцы, благодаря договору 1734 г., имели в России особые привилегии, поэтому зачастую открывали в портовых городах фирмы, специализировавшиеся на вывозе российского сырья, и обходились без русских посредников. Вообще в XVIII–XIX вв. внешняя торговля России находилась в руках западноевропейских коммерсантов — русские купцы «действовали... вразброд, были малокультурны и в сущности малокапитальны», практически не существовал русский торговый флот¹¹.

В целом экспорт сырья из России превышал ввоз товаров в страну, хотя объемы внешней торговли из года в год колебались, находясь в сильной зависимости от политических решений. В 1778–1780 гг. по европейской торговле стоимость вывезенных товаров превысила сумму ввезенных в 1,5 раза, в 1802–1804 гг. — в 1,6 раз, в то время как в 1790–1792 гг. ввоз был практически равен вывозу¹². Конкретные данные позволяют сделать картину более полной, но подтверждают общую тенденцию¹³.

Следствием такой тесной экономической связи становилась связь политическая. Можно вспомнить, что в 1780 г. Россия провозгласила морской вооруженный нейтралитет, который был направлен, хотя и против политики британского правительства, но в поддержку мировой морской торговли вообще, в том числе и с Англией. Позднее, в начале 90-х гг. XVIII в., во время подготовки Ясского мира, когда английское правительство У. Питт-младшего пыталось проводить недружественную России политику и даже угрожало разрывом из-за разногласий в Восточном вопросе, Екатерина II нашла рычаг давления на Питта, используя круги, заинтересованные в беспрепятственной торговле с Россией во главе с известным лидером оппозиции Ч.-Д. Фоксом¹⁴.

Таким образом, именно круги, связанные с торговлей как в Великобритании, так и в России, оказывались наиболее ревностными сторонниками русско-английского сближения. Характерно, что в Англии эти интересы были ближе вигам, а не тори, традиционно связанным с земельной аристократией.

В 1793 г. была заключена англо-русская торговая конвенция сроком на шесть лет, в которой вновь были закреплены таможенные льготы для англичан. Вместе с тем время от времени в русском обществе высказывались мнения о необходимости положить конец «безраздельному господству англичан в русской торговле»¹⁵.

В литературе вопрос о значении русско-английских торговых связей поднимается обычно в связи с вопросом о влиянии континентальной блокады на развитие российской экономики. Популярная точка зрения — Россия пострадала, так как была страной, экспортировавшей сырье. Вторая точка зре-

ния — блокада позволила развиваться собственной промышленности, прекратила зависимость России от британского импорта.

Говоря о последствиях континентальной блокады, следует иметь в виду, что для петербургских купцов они были тяжелее, чем разорения в Отечественной войну 1812 г.¹⁶ Современник отмечал, что «Торговля в Петербурге с 1805 по 1812 г. значительно упала, что послужило к разорению многих купцов»¹⁷. Еще больший урон петербургским купеческим капиталам принесло принятие невыгодных для них таможенных тарифов 1816 и 1819 гг. Именно эти события вызвали волну недовольства, выразившуюся как в мемуарах, так и в публицистических произведениях и даже экономических трактатах.

Подобная оценка содержится, например, в сочинении архангельского купца, коммерции советника В. А. Попова, написавшего в 1821 г. «Разговор в царстве мертвых»¹⁸. Это иносказательная пьеска, посвященная критике современной таможенной политики России. Диалог происходит между умершими в конце XVIII — начале XIX вв. купцами и финансистами. Гофмаклер А. Ротерс, попавший после смерти в Царство мертвых, встречается там со многими почившими ранее архангельскими купцами — своими компаньонами и конкурентами. Они с жадностью его расспрашивают, что произошло в жизни Архангельского порта в последнее время. Ротерс рассказывает им о переменах в экономике России, связанных с континентальной блокадой, событиями 1812 года, в том числе о кардинальном изменении таможенного курса¹⁹. Недовольство проводимой внешнеторговой политикой высказывалось во многих проектах и «рассуждениях» русских купцов²⁰.

Континентальная блокада — пример внешнеполитического курса России, поставленного вразрез с экономическими процессами. Она вызвала массу недовольства. Это неудивительно — присоединение России к континентальной блокаде было следствием поражения в войне с Францией 1805–1807 гг. и Тильзитского мирного договора. Александр I, как и Павел I, к 1812 г. был на краю гибели и должен был победить в войне с Наполеоном или погибнуть. Отрицательными последствиями континентальной блокады явилось сильное расстройство финансов и падение курса ассигнационного рубля. О влиянии континентальной блокады на экономику страны говорят цифры: вывоз сырья из России приостановился и товары обесценились, торговый баланс был неблагоприятен, а вексельный курс продолжал неуклонно падать²¹. В отечественной историографии господствует мнение о невыгодности и разорительных последствиях тильзитской системы для России.

Несмотря на поощрительные таможенные меры и высокую стоимость русских товаров в рублях, они, вследствие низкого вексельного курса, обходились иностранцам дешево и делали русскую заграничную торговлю еще более невыгодной. Так, реальная стоимость льна упала с 1805 к 1810 г. в 1,4 раза, сала с 1803 к 1812 г. — в 1,1 раза²². И наоборот, на привозные товары цены выросли.

Теперь, когда мы можем анализировать последствия континентальной блокады, можно утверждать, что все попытки Павла I искусственно ограничить внешнюю торговлю были обречены на неудачу, потому что основывались лишь на его внешнеполитическом курсе и не учитывали экономических интересов дворянства и государства в целом. По справедливому замечанию С. А. Покровского, «попытка Павла принести экономику в жертву внешнеполитическим целям и грубое нарушение в связи с этим экономических интересов дворянства были одной из основных причин дворцового переворота, происшедшего в ночь с 11 на 12 марта 1801 г.»²³

С другой стороны, попытки порвать торговлю с Россией со стороны Великобритании также приводили к отрицательным результатам. Например, во время континентальной блокады в Великобритании произошли два кризиса (1808 и 1811 гг.), доходы от экспорта в 1808 г. по сравнению с 1807 г. упали в среднем в 1,4 раза, выросли цены на лен, произошла девальвация фунта стерлингов, что привело страну к народным волнениям и политической нестабильности²⁴. Тезис об исключительно экономической подоплеке сближения Англии и России в эпоху наполеоновских войн характерен для русской исторической науки 1910–1920-х гг., однако уже в середине XX в. многие исследователи отошли от этого мнения, обратив внимание не только на непостоянство союза двух держав, но и на экономические и геополитические споры между нами на Ближнем Востоке. Во многих современных исследованиях подчеркивается, что британские «экономические интересы в этот период были подчинены политическим»²⁵. Мы не оспариваем этого мнения, однако указываем, что структура торгового оборота неизбежно принуждала как российские, так и английские власти снова и снова поворачиваться друг к другу лицом. Такое положение продолжалось до середины XIX в., когда радикальные технические изменения в судостроении сделали пеньку, лен, сало, смолу маловажным сырьем для него, а производство железа в Великобритании вышло на новый количественный и качественный уровень.

Голландская экспедиция 1799 г. была неизбежным звеном в цепочке европейских событий конца XVIII в. Очевидны причины, побудившие Англию выступить в поход именно на территорию Голландии: параллельно с устранением политического союзника враждебной Франции Британия жаждала уничтожить голландский торговый флот — главного конкурента «мирового извозчика» в те годы.

В историографии высказывались разнообразные мнения относительно мотивов, побудивших Россию участвовать в экспедиции на стороне Англии. Этот шаг Павла I вряд ли можно назвать всего лишь формальным выполнением союзнических обязательств перед Англией — в том же 1799 г. русская армия вела масштабные военные действия против революционных войск Франции в Италии и Швейцарии, планировалась кампания на территории Германии. Историки отмечали готовность Павла I принять участие в экспе-

диции и его «щедрость»: было выставлено 17 тыс. русских войск, которые в случае неудачи предприятия могли быть использованы Англией для обороны своей береговой линии²⁶. И это при том, что сам Павел I высказывал сомнения в успешном исходе экспедиции.

Представляется несомненным, что участие русских войск в «секретной экспедиции» в Голландию в 1799 г. было вызвано, прежде всего, тесными экономическими связями России и Великобритании. Последняя, к тому же, предоставила России субсидию (т. е. плату за использованные войска) и приняла русские войска на свое содержание.

Согласно русско-английской конвенции от 11 июня 1799 г., был сформирован совместный корпус, который насчитывал 17,5 тыс. русских и 13 (по другим данным 8) тыс. английских войск. 27 августа англичане под командой генерал-лейтенанта Р. Аберкромби высадились на побережье Северной Голландии и овладели Гельдером. Общее руководство осуществлял брат правившего тогда английского монарха Георга IV герцог Йоркский, русским корпусом командовал генерал-лейтенант И. И. Герман. Армии союзников противостояли 15 тысяч французских и 20 тысяч голландских солдат²⁷.

В результате ряда сражений: при Гельдере, двух при Бергене, Алкмааре, Кастрикуме в течение сентября — начала октября 1799 г. союзники понесли значительные потери от французской и батавской армий под командованием француза генерала Г.-М.-А. Брюна и 17 октября подписали конвенцию о капитуляции. Бесславно окончившаяся Голландская экспедиция «ознаменовала начало кризиса в англо-русских отношениях»²⁸.

Голландская экспедиция — яркий и показательный эпизод в истории России, наглядно показывающий зависимость внешнеполитического курса страны от мировой торговли и, прежде всего, от торговли с Англией. Попытки добиться высвобождения русской торговли из-под английского влияния предпринимались неоднократно, но, видимо, были изначально обречены на неудачу, поскольку феодальная Россия не могла стать ничем другим, кроме источника сырья для быстро развивавшейся по капиталистическому пути Британии.

Участие России в Голландской экспедиции, невыгодное в военном плане, было продиктовано объективными экономическими процессами.

Примечания

¹ *Фирсов Н. Н.* Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II: Очерки из истории торговой политики. Казань, 1902. С. 85, 121–123.

² *Покровский С. А.* Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947. С. 151.

³ Там же. С. 153.

⁴ Там же. С. 153–154.

⁵ Вид, какими именно товарами производилась торговля при всех российских портах и сухопутных границах в течение 1802 года // Государственная торговля 1802 года в разных ее видах. СПб., [1803]. Табл. XVIII; Вид... в течение 1803 года // Государственная

торговля 1803 года... СПб., [1804]. Табл. XVIII; Вид... в течение 1804 года // Государственная торговля 1804 года... СПб., [1805]. Табл. XVIII; Вид... в течение 1805 года // Государственная торговля 1805 года... СПб., [1806]. Табл. XVIII.

⁶ Русско-британские торговые отношения в XVIII веке: Сб. док. М., 1994. С. 5.

⁷ *Неболсин Г. П.* Статистическое обозрение внешней торговли России. Ч. 1. СПб., 1850. С. 2–3.

⁸ Там же. Ч. 2. С. 5–6.

⁹ *Калинкин А. В.* Внешняя торговля России в первой половине XIX в. // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Вып. 6. Екатеринбург, 2006. С. 15.

¹⁰ Подсчитано по: *Семенов А. В.* Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 год. Ч. 3. СПб., 1859. С. 232–233.

¹¹ *Фирсов Н. Н.* Правительство и общество... С. 18.

¹² Подсчитано по: *Семенов А. В.* Изучение исторических сведений... Ч. 3. С. 220.

¹³ См.: Ведомость о стоимости экспортных и импортных товаров русских и иностранных купцов в Петербургском порту в 1792 г. // Внешняя торговля России через Петербургский порт во второй половине XVIII — начале XIX в.: Ведомости о составе купцов и их торговых оборотах. М., 1981. С. 140–154; Ведомость о стоимости... в 1795 г. // Там же. С. 155–161; Ведомость о стоимости... в 1804 г. // Там же. С. 163–171.

¹⁴ История дипломатии. Изд. 2-е, перераб. и доп. Т. 1. М., 1959. С. 366–368.

¹⁵ *Фирсов Н. Н.* Правительство и общество... С. 332.

¹⁶ *Предтеченский А. В.* К вопросу о влиянии континентальной блокады на состояние торговли и промышленности России // Известия АН СССР. Сер. 7. Отд-ние обществ. наук. 1931. № 8. С. 893–920.

¹⁷ *Северцев (Полилов) Г. Т. С.* -Петербург в начале XIX века // Исторический вестник. 1903. № 5. С. 633.

¹⁸ Частично опубл.: *Смирнова М. А.* Страсти по курсу на том свете: Рассуждения купца о загранич. торговле России // Родина. 2011. № 7. С. 62–64. Рукопись: [*Попов В. А.*] Разговор в Царстве мертвых // ОР РНБ. Ф. 550 (ОСРК). Ф. XVII. 27. Л. 5–37.

¹⁹ *Смирнова М. А.* Страсти по курсу... С. 63.

²⁰ См.: Патриотическое рассуждение московского коммерсанта о внешней российской торговле // ОР РНБ. Ф. 859 (Шильдер Н. К.). Карт. 45.

²¹ *Витчевский В.* Торговая таможенная и промышленная политика России с времен Петра Великого до наших дней. СПб., 1909. С. 35.

²² Подсчитано по: *Семенов А. В.* Изучение исторических сведений... Ч. 3. С. 53–54.

²³ *Покровский С. А.* Внешняя торговля... С. 154.

²⁴ *Понасенков Е. Н.* Экономические предпосылки кризиса тильзитской системы в России (1807–1812 гг.) и причины войны 1812 г. // Экономическая история: Обзорение. Вып. 8. М., 2002. С. 135.

²⁵ *Федин А. В.* Англо-русские отношения вокруг Великой Французской революции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2001. С. 8.

²⁶ *Шимонова Н. В.* К вопросу о подготовке Голландской экспедиции 1799 г. союзных войск Великобритании и России // Вестник МГТУ им. М. А. Шолохова. Сер. История и политология. 2011. № 3. С. 37.

²⁷ *Alison A.* History of Europe from the Commencement of the French Revolution in MDCCLXXXIX to the Restoration of the Bourbons in MDCCCXV. Edinburgh; London, 1835. Vol. 4. P. 151.

²⁸ *Егоров А. А.* Конфуз союзного войска: Секретная экспедиция русских к голланд. берегам // Родина. 1996. № 6. С. 42.